

Шёл седьмой день с момента перевода в новую школу, и Линь Цзунцзе уже чувствовал себя глубоко оскорблённым в лучших чувствах.

Седьмое сентября. На юге осень всё ещё дышала изнуряющей жарой. Цзунцзе прижимал к боку баскетбольный мяч, а с его лба крупными каплями катился пот — те самые «мужские гормоны», которыми он щедро поливал школьную площадку и которые ещё не успел высушить сквозняк. В классе уже никого не осталось. Однако стоило парню бросить взгляд на свою парту, как он непроизвольно поморщился.

За все свои семнадцать лет он отродясь не видел подобного класса — и уж тем более таких одноклассников.

Местные «машины для поглощения знаний» словно помешались: учебники на их партах громоздились глухими стопками, образуя настоящие крепостные стены. За такой баррикадой можно было преспокойно устроиться спать — и ни один учитель не заметит.

В прежней школе Цзунцзе устав прямо запрещал держать на виду всё, что не касалось текущего урока, — якобы для того, чтобы не сбивать учеников с мысли.

Какая чушь. Куда честнее и проще было бы заявить прямо: «Повыстраивали тут баррикады, чтобы дрыхнуть на уроках? Живо всё убрали!»

Но Седьмая средняя школа сильно отличалась от Первой средней, да и прошлое не стоило равнять с настоящим. Оказавшись в новом коллективе, Цзунцзе вопреки ожиданиям ощутил странное умиротворение. Местные преподаватели вели себя сдержанно, ученики — ещё тише. Никто не болтал на уроках и не устраивал потасовок на переменах. Переступая порог кабинета, ребята тут же утыкались в тетради; они могли зубрить английскую лексику даже на литературе, и никто им слова не говорил.

Главное — все были заняты делом, и никто не терял ни секунды драгоценного времени. Учителя доверяли ученикам, те платили им тем же, да и друг другу всегда помогали... О да, помогали. До крайности радушно и бесцеремонно.

Особенно этот зануда Хань Линь. Мало того что сам не спал, так ещё и соседу по парте житья не давал.

Перед глазами Цзунцзе всплыла картина: день перед переводом, он стоит перед отцом в испачканной школьной форме — только что знатно повалялся в грязи на футбольном поле после очередной драки. На лице — глухое упрямство. А отец приволок его к бетонной клумбе у ворот школы, усадил рядом и принялся проникновенно вправлять мозги:

— Сын, сокровище ты моё, — чуть ли не плакал старик Линь. — Твой старик тебя на коленях умоляет. Никто от тебя диплома престижного вуза не требует. Но получи ты хоть какую-то корочку, чтобы было кому семейное дело передать! Ты в десятом классе всего год отучился, а

мы уже сколько школ сменили? Я ведь готов был перед директором на колени рухнуть, любые унижения стерпеть, лишь бы тебя оставили. Да только не успел я рот раскрыть, как этот бедолага сам передо мной на колени упал и взмолился, чтобы я тебя забрал!

Отец тяжело вздохнул, уткнувшись лицом в ладони, а затем продолжил:

— В нашем городе осталась только Первая средняя — это городская ключевая школа, где ты ещё не успел отметиться. Там как раз учится внук старого господина Ханя. Я через семьдесят кругов ада прошёл, тонну связей поднял, чтобы тебя туда пристроить. Очень тебя прошу, поубавь пыл. Делай что хочешь, мне плевать, учишься ты там или балду пинаешь. Главное — не дерись, не буянь и не мешай нормальным детям грызть гранит науки! Если тебя и оттуда попрут, клянусь, пойдёшь на стройку кирпичи таскать до конца дней своих!

Твёрдо вознамерившись получить аттестат без лишнего шума и избежать незавидной участи разнорабочего, Линь Цзунцзе раз за разом наступал на горло собственной песне, подавляя дикое желание начистить холёную физиономию своего соседа по парте.

С тихим раздражением он сорвал со своей парты розовую наклейку для заметок. Быстро пробежав глазами по каллиграфическому, словно напечатанному на принтере почерку Хань Линя — тот ухитрился расписать домашнее задание на обеих сторонах крошечного листка, — Цзунцзе сжал кулак. Бумажный комок описал красивую дугу и приземлился точно в мусорное ведро.

— Домашнее задание? Хрен тебе на воротник, а не задание.

Разумеется, за столь дерзкий бунт пришлось расплачиваться. На следующий же день во время утренней самоподготовки, когда Цзунцзе мирно дремал на парте, Хань Линь бесцеремонно постучал костяшками пальцев по дереву прямо перед его ухом, заставив вынырнуть из сладкого сна.

— Где твоя домашняя работа?

У этого парня были поразительно изящные руки: тонкие белые пальцы с аккуратными суставами. Держал ли он ручку или листал учебник — любое его движение выглядело эстетично. Если бы не эта вечная маска презрения на лице, красноречиво вещавшая: «Ты, кретин, опять ничего не сделал», Цзунцзе, пожалуй, даже подружился бы с ним. Симпатичный, учится на отлично, да и характер у него...

— Я спрашиваю, где твоя домашняя работа?

Голос нашего многоуважаемого учебного старосты прозвучал обманчиво спокойно, но в тихом тоне сквозила нешуточная угроза.

Цзунцзе постепенно пришёл в себя. Он сонный окинул взором сначала изящную кисть старосты, затем скользнул выше по воротнику его отглаженной формы и наконец упёрся в правильные черты лица одноклассника. Сочинить какую-нибудь нелепую отмазку для Линя было делом секундным, но стоило ему приоткрыть рот, как сосед по парте одарил его выразительным взглядом в духе «даже не пытайся».

— Линь Цзунцзе. Восьмой раз подряд. Не сдано. Не написано.

Вытянув из папки чистый бланк, староста аккуратным, летящим почерком сделал пометку напротив его фамилии.

Восьмое сентября. Восемь дней в новой школе — и ни одного выполненного задания. Абсолютный рекорд.

— погоди ты, — видя, что староста разворачивается, Цзунцзе резко перехватил его тонкое запястье и заговорщически ухмыльнулся: — Да написал я всё, честное слово! Дома просто забыл.

— Руку убери.

— Серьёзно говорю! Уже у двери вспомнил, сунулся — а ключи внутри остались, заперся снаружи случайно.

—...

— Ну правда, учебный староста, неужели между нами нет ни капли доверия? Мы же за одной партией сидим!

— Доверия? — Хань Линь издал издевательский смешок и с глухим стуком швырнул стопку тетрадей на парту соседа. Скрестив руки на груди, он смерил собеседника ледяным взглядом. — Ладно. Сходи в учительскую, набери отца и попроси привезти тетрадь. Я так и быть подожду. Часа три у тебя есть.

— Не выйдет, батя в командировку укатил. Буквально сегодня утром улетел в Шанхай.

— Пусть мать привезёт.

— Тоже мимо. Мама со вчерашнего вечера в Ханчжоу, по делам.

—...

— Зуб даю, мне вечером придётся слесаря вызывать, чтобы дверь вскрыть.

Цзунцзе прекрасно знал: пусть этот недотрога и корчит из себя ледяную глыбу, драться он точно не полезет. Слишком уж благовоспитанный. Поэтому парень бессовестно издевался над старостой. Врать он умел виртуозно — детская привычка. В средних классах он вешал учителям лапшу на уши с самым невинным видом: то у него дома пожар случился и тетрадка сгорела, то он спасал тонущую девочку и утопил портфель, то поссорился с девушкой, и та в порыве ярости порвала его домашку в клочья.

Любая отмазка отскакивала у него от зубов. Подумаешь, какой-то учебный староста! Да будь на его месте хоть сам председатель студсовета — толку было бы столько же.

Хань Линь решил поиграть с ним в кошки-мышки? Ну-ну. Зелен ещё тягаться.

Ответом ему стала гробовая тишина — староста, чьё лицо и без того напоминало застывшую маску, окончательно окаменел. Парень резко стряхнул пальцы Цзунцзе со своего запястья, ухватил стопку тетрадей и круто развернулся. Если бы взглядом можно было резать, Цзунцзе уже лежал бы на полу, расчленённый на мелкие кусочки.

— Слышь, бро, дай домашку списать.

Едва за старостой захлопнулась дверь, Линь Цзунцзе зашуршал в недрах своей парты в поисках девственно чистой тетради, одновременно лениво пиная соседа спереди, который увлечённо делал вид, будто учит английские глаголы.

Сун Чэн обернулся, жуя на ходу. Во рту у него красовалась добрая половина парового пирожка с говядиной, и при попытке заговорить парень едва не брызнул жиром прямо на парту. Цзунцзе брезгливо поморщился — чистоплотностью одноклассник явно не отличался. Достав из ящика стола увесистую пачку салфеток, он запустил её точно в лоб приятелю и рывкнул:

— Хватит брызгать жиром, вытри харю!

— Хе-хе, наш Президент в своём репертуаре! — Сун Чэн беззлобно ухмыльнулся, вытянул пару салфеток и принялся усердно тереть подбородок. — Чистюля, блин, прямо как девчонка, вечно при себе салфетки держит. Да и вообще, ты ослеп, что ли? Видел же, что староста всю макулатуру собрал и унёс. Где я тебе тетрадку возьму?

— А что хоть задавали-то?

Закидывая ногу на ногу, Цзунцзе размашисто вывел свою фамилию на обложке новенького блокнота.

Линь никогда не скрывал, что его семья гребёт деньги лопатой. Да и глупо отрицать

очевидное: как ещё такой оболтус мог оказаться в ключевом классе лучшей школы города? Любому дураку понятно, что папочка занёс директору кругленькую сумму. К тому же парень любил сорить деньгами. Стоило ему занять пост спортивного старосты, как он завёл привычку после каждой беговой тренировки водить весь класс в местную лавку за дешёвым бабл-ти. А под настроение мог расщедриться и на соседнюю параллель. Классический образ щедрого «молодого господина» в действии. Неудивительно, что вскоре за ним закрепилось ироничное прозвище «Президент» — наш Генеральный директор.

— Ну, смотри, — Сун Чэн зашуршал своим дневником, сверяясь со списком. — По математике выдали две проверочные работы, по литературе нужно вызубрить две поэмы, по английскому — накатать эссе об экологии. А что там по физике?.. А, вчера не задавали. По химии вроде...

Цзунцзе мысленно схватился за голову. Ну и нагрузочка! Разве нормальным людям под силу столько переварить?

Утренняя самоподготовка начинается в чёртовы семь двадцать утра. Вечером — три дополнительных урока, домой приползаешь дай бог к десяти. И когда, спрашивается, делать всю эту гору заданий? Ладно ещё тесты — их можно списать за пять минут на коленке, но учить стихи наизусть? Это же форменное издевательство!

Он уже собирался с чистой совестью забросить ручку подальше, как вдруг в его голове зародилось подозрение. Цзунцзе снова ткнул приятеля мыском кроссовка:

— Слышь, а ты литературу выучил, что ли? Когда успел? Вчера над математикой пыхтел так, что чуть не облысел. Тоже, небось, забил?

— Ты с дуба рухнул? Чтобы я — и не сделал? В девятом классе за такое сожрут живьём и не поморщатся.

— Да когда ты успел-то?

— Так ещё на летних каникулах вызубрил, перед началом десятого класса.

— На каникулах?! — от удивления Цзунцзе чуть не дал петуха на весь класс.

К счастью, класс гудел, как встревоженный улей: кто-то бормотал правила под нос, кто-то строчил формулы в черновик. Окружающие словно находились под куполом абсолютной звукоизоляции — на его вопль никто даже ухом не повёл.

Сун Чэн испуганно прижал палец к губам и зашипел:

— Тише ты, Президент! Если классный услышит, что ты тут митингуешь, живо отправит на стадион нарезать десять кругов для бодрости духа.

— Подумаешь, — отмахнулся парень. — Я, вообще-то, перворазрядник по лёгкой атлетике. Мне эти десять кругов — как разминка.

— Да ладно тебе. Программа тут адская. У нас не то что в классе — на всей параллели ребята за лето выучили всё, что положено сдать до зимы. Иначе просто загнёшься под завалами.

— Задроты, — фыркнул Цзунцзе. Швырнув ручку в недра парты, он безжизненно распластался на столе. — Делать мне больше нечего. Зубрите, флаг вам в руки, а я умываю руки.

— Ну-ну, Президент. Вот вернётся староста, он тебе уши-то нахлобучит.

Цзунцзе лишь неопределённо промычал что-то в ответ, укладываясь поудобнее.

Когда Хань Линь вернулся в кабинет, ему пришлось изрядно растолкать спящую тушу соседа, чтобы пробраться к своему стулу у окна.

Днём прилетело сообщение от отца: вечером намечался какой-то жутко важный семейный банкет. Старик уже договорился с классным руководителем и велел сыну после уроков пару часов посидеть на трибунах стадиона, чтобы «выветрить запах пота и юношеского задора», и только потом показываться приличным людям у ворот. К моменту, когда прозвенел последний звонок, Цзунцзе успел напрочь залить слюной чистые листы своего единственного блокнота.

Сонно протирая глаза, он брезгливо оглядел испорченную тетрадь, на которой красовалась лишь одинокая неровная подпись, и без раздумий швырнул её в урну. Цзунцзе поднялся, потянулся и внезапно осознал, что в кабинете не осталось ни души. Кроме него самого и его невозмутимого соседа.

— О, староста! — Цзунцзе хмыкнул, закидывая рюкзак на одно плечо. — Всё грызёшь гранит науки? В МГУ метишь? И как тебе не надоедает целыми днями эти формулы мусолить?

— Завтра пересаживаешься, — отрезал Хань Линь, даже не удостоив его взглядом.

— Это ещё с какого перепугу?

— Ты дрыхнешь как сурок. Забаррикадируешь проход своей тушей — не докричатся, не растолкать. Мне из-за тебя приходится сидеть и ждать, пока барин соизволит проснуться.

— Да ладно гнать! У меня сон чуткий, как у зверя. Достаточно слегка коснуться плеча, и я уже на ногах. Что ты мне тут лапшу на уши...

Вместо ответа Хань Линь молча ткнул пальцем куда-то под парту.

Цзунцзе опустил взгляд и осёкся: на его светлых форменных брюках красовалось несколько отчетливых серых следов от обуви.

— Угу, — безучастно подтвердил староста. — Чуткий сон, говоришь? Я тебя испинал до полусмерти, а ты даже не почесался.

— Ты совсем пришибленный?! — Цзунцзе подскочил как ошпаренный, яростно отряхивая брюки ладонью. — У меня сегодня важный приём с предками! Из-за тебя я выгляжу так, словно меня по асфальту волокли! В таком виде только на помойку идти!

— Подумаешь, трагедия. Не на свидание же идёшь, — Хань Линь неторопливо поднялся, сложил в рюкзак исписанные бланки, убрал карандаш и закинул лямку на плечо.

— Как раз на смотрины! Батя прямым текстом написал: приведи себя в божеский вид. Знаешь, как нынче сложно нормальную невесту найти? Если девчонка из-за этих пятен меня забракует, ты мне жену рожать будешь?!

— Дебил.

— Сам ты... придурок заносчивый!

Извечная проблема отсутствия богатого словарного запаса — даже в обычной перепалке последнее слово осталось не за ним.

Глубоко уязвленный Линь Цзунцзе, продолжая бубнить проклятия себе под нос, вылетел вслед за старостой в коридор.

<http://bllate.org/book/18229/1751524>